

Когда в доме ребёнок, всегда уютно и шумно. Наступила новая неделя. Семья редко собиралась за утренним чаем в полном составе. Тётушка-экономка баловала детей: она приготовила для Тань Долэ и Тань Юмина по дополнительной порции ананасовых булочек с маслом.

Тань Юмин пролежал в больнице два дня и не появлялся в компании. Его телефон звонил с самого раннего утра. Подготовка к Морской торговой выставке шла полным ходом. Гуань Кэчжи заметила, что он занят больше, чем глава администрации, и тут же установила правило:

— За столом не работаем. Сначала нормально позавтракай.

Тань Юмин повернулся к Шэнь Цзунняню, ища поддержки у союзника. Кто же знал, что тот не проронит ни слова и будет молча есть кашу. От злости Тань Юмин пнул его по голени.

Шэнь Цзуннянь словно предвидел это. Он невозмутимо поднял ногу, и удар пришёлся в пустоту.

Молоко доставили утром с фермы. Шэнь Цзуннянь налил стакан, поставил перед ним и сказал:

— Пей до дна.

В первый день официального примирения Тань Юмин решил сохранить лицо. Шэнь Цзуннянь дождался, пока он допьёт, и только потом встал, чтобы подогнать машину.

Отвезя Тань Юмина, он направился напрямик в «Хуаньту». Шэнь Цзуннянь не появлялся там несколько дней. Он подал заявление об отказе от назначения в энергетический проект. Многие топ-менеджеры уже прослышали об этом. Цяо Жуй с самого утра поджидал его у дверей кабинета.

— Ты выходишь из конкурса на энергетический проект?

— Почему?

— Ты меня допрашиваешь? — Шэнь Цзуннянь вошёл в кабинет, положил ноутбук и только тогда обернулся. Он спокойно встретил испытующий и требовательный взгляд. — Заместитель генерального директора Цяо, я отказываюсь от командировки, а не выхожу из проекта.

Шэнь Цзуннянь нажал на пульт, меняя режим вентиляции.

— Причина уже указана в заявлении. Через двадцать минут на заседании совета директоров секретарь всё объяснит.

Цяо Жуй не устроило это объяснение. Он пристально посмотрел на него:

— Это из-за Тань Юмина.

У Шэнь Цзунняня не было времени с ним возиться. Он просто задавил его авторитетом:

— Если ты и дальше будешь переходить границы, я решу, что вернуть тебя в штаб-квартиру было ошибкой.

Цяо Жуй осекся. Некоторые вещи — это роскошь. Не получил — ну и ладно, но вот терять завоёванные своими руками позиции нельзя. Он убрал эмоции с лица и серьёзно спросил:

— Сможешь убедить совет директоров?

Шэнь Цзуннянь взял ноутбук, собираясь на совещание:

— Это уже мои проблемы.

Цяо Жуй пошёл следом за ним в зал заседаний.

Как и сказал Шэнь Цзуннянь, в «Хуаньту» он не принимал решения единолично. У всех директоров было право голоса.

Однако среди членов совета директоров было несколько вице-президентов, участвующих в конкурсе на этот проект. Естественно, все они поддержали заявление Шэнь Цзунняня. Так они повышали свои шансы на успех.

Тот, кто получит этот проект, станет фактическим руководителем европейского подразделения. Более того, приставка «вице» из должности гарантированно исчезнет. В международных проектах такого масштаба просто не было прецедентов, чтобы во главе стоял лишь заместитель.

Директора, не имеющие личной выгоды, выразили сомнения:

— Это не просто внутреннее решение. На нас лежат ожидания партнёров и пристальное внимание администрации Особого района. Если господин Шэнь выйдет из проекта, не повлияет ли это на их оценку и поддержку?

Шэнь Цзуннянь даже не моргнул:

— Чрезмерная опора на конкретного человека или команду в любом проекте — это нездоровая

тенденция. Поехать может кто угодно. Если система работает без любого сотрудника, это доказывает реальную силу «Хуаньту».

Он спокойно окинул взглядом присутствующих:

— Номинации от партнёров и ожидания властей — это лишь ориентиры. «Хуаньту» никогда не давала внешнему миру обещаний о том, кто именно или какая команда поедет на место. Это наш внутренний конкурсный механизм. Внешнее влияние не должно чрезмерно вмешиваться в наши решения.

— Штурвал всегда должен крепко оставаться в руках самой компании «Хуаньту».

— Если у внешних сторон есть возражения, значит, тем более нужно доказать им, что «Хуаньту» — это сплочённая команда, а не театр одного актёра.

— Надеюсь, при голосовании вы учтёте стратегию развития корпорации, её потребности, а также компетенции и личные пожелания сотрудников. Всё это важнее внешнего давления.

— Впрочем, — для такого жёсткого руководителя, как Шэнь Цзуннянь, это был редкий момент обращения к эмоциям, — я полностью уважаю ваше мнение. Независимо от того, одобряют моё заявление или нет, я выполню решение совета директоров по итогам голосования. Давайте голосовать.

Цяо Жуй смотрел на его спокойную, уверенную речь со смесью горечи и восхищения. Оказывается, этот вечно холодный и немногословный человек может распинаться ради того, кто ему дорог. С чувством лёгкой досады, но не имея иного выхода, он поставил галочку в графе «за».

Результаты голосования Шэнь Цзунняня не удивили. Но даже если бы ему отказали, у него был запасной план.

После совета директоров сразу началось заседание по подготовке к Морской торговой выставке. Только во второй половине дня Шэнь Цзуннянь смог вернуться в кабинет. Он набрал номер Чжао Шэнгэ.

Он специально выкроил пару минут между совещаниями, а у Чжао Шэнгэ было занято. Только на третий раз тот соизволил взять трубку.

Шэнь Цзуннянь ехидно бросил:

— Что-то я не припомню, чтобы ты так любил болтать по телефону.

Чжао Шэнгэ был в хорошем настроении:

— Смотря с кем.

Шэнь Цзуннянь не дал ему ни малейшего шанса развить тему и перешёл к делу:

— Долг из старика Ло выбивай сам.

Чжао Шэнгэ это не удивило. Он предвидел такое, когда узнал о госпитализации Тань Юмина. Он лишь спросил:

— Не боишься, что старик Ло предаст нас? Ради лечения жены он пойдёт на всё.

— Я же не сказал, что исключаю его из экспериментальной программы, — ответил Шэнь Цзуннянь.

— О, — по тону Чжао Шэнгэ было неясно, хвалит он или осуждает, — решил заняться благотворительностью.

— Он вложит деньги.

К тому же, Шэнь Цзуннянь никогда не верил в принцип «за добро воздастся добром». Но после того, как Тань Юмин попал в больницу, он на себе испытал боль и отчаяние от болезни самого важного человека в жизни. Пусть это будет плюсом в карму.

Шэнь Цзуннянь не хотел ничего объяснять, да это было и не нужно. Чжао Шэнгэ всё понял. Он поинтересовался здоровьем друга детства:

— Как Тань Юмин?

— Пока нормально. — В последние дни он выглядел бодрым.

Чжао Шэнгэ на секунду замолчал:

— Ты всё для себя решил?

— Угу. — Никогда прежде Шэнь Цзуннянь не мыслил так ясно, как сейчас.

Чжао Шэнгэ то ли интересовался, то ли предупреждал:

— Кем будешь: шафером или крёстным отцом его детей?

Шэнь Цзуннянь просто бросил трубку и взялся за работу. Кем быть — человеком, призраком или тенью — не имело значения. Он уже пережил боль в сто раз сильнее этой.

О том, что Тань Юмин упал в обморок в лифте, знали только Ян Шиянь и один из руководителей «Цзяньсинь». Тань Юмин пару дней не появлялся в парке, и желающие с ним встретиться выстраивались в очередь.

После обсуждения плана церемонии открытия с вице-президентом, тот спросил:

— Список партнёров по цепочке поставок предварительно утверждён. Господин Тань, если у вас есть время, я позову директора Сюя, и мы быстро всё посмотрим.

Тань Юмин взглянул на часы и с головной болью ответил:

— Давайте завтра, господин Ян. Мне нужно спешить за ребёнком.

Раньше в доме семьи Цзэн Тань Долэ настороженно относилась к прислуге и водителям. Утром Гуань Кэчжи и Тань Чуншань лично отвезли её в школу. После этого они уехали в Шэньчжэнь на мероприятие семейного фонда.

Фонд выступал спонсором нынешней Морской выставки, привлекая капитал из материкового Китая. Это мероприятие было своеобразной подготовкой.

Поездка родителей заняла пару дней, поэтому обязанность забирать ребёнка легла на плечи Тань Юмина.

Он открыл дверцу машины, бросил взгляд на заднее сиденье и, пристегивая ремень безопасности, спросил Шэнь Цзунняня:

— Когда успел поставить?

— Днём. — Шэнь Цзуннянь весь день провёл на совещаниях. Он отправил Чжун Маньцин выбрать детское автокресло, и в перерыве утвердил эту модель с белой лошадкой.

— Отлично, — рассмеялся Тань Юмин. — Тань Долэ как раз любит такой стиль.

Начальная школа «Инхуа» находилась в Центральном Западном округе. На территорию кампуса машины не пускали, поэтому Шэнь Цзуннянь припарковал «Бентли» на улице Линсяньлэ.

Оба сегодня были в костюмах и галстуках. Они выглядели так, будто приехали покупать школьный холдинг, а не забирать ребёнка.

Особенно выделялся Шэнь Цзуннянь. У него и так была давящая аура, а тут ещё брюки от костюма и чёрная рубашка.

Тань Юмин испугался, что тот до смерти напугает учителей или что охрана примет его за мафиози. Он заставил Шэнь Цзунняня снять галстук и часы, а затем протянул руку и растрепал ему зачёсанные назад волосы. С такой слегка небрежной причёской он по-прежнему мало походил на родителя, но, по крайней мере, больше не смахивал на бандита.

Тань Юмин и сам снял пиджак, оставшись в жемчужной шёлковой рубашке с мягким отливом. Стоило ему расстегнуть две верхние пуговицы, как он тут же превратился в того самого легкомысленного богатого дядюшку, который души не чает в племяннице.

По обеим сторонам дороги Линсяньлэ росли деревья. Их зелень была такой сочной, словно с листьев вот-вот закапают сок. Тань Юмин шёл спиной вперёд:

— Надо же, какие они выросли. В детстве Вэй Сыхэ лазил по ним за манго.

Шэнь Цзуннянь промолчал. До появления в семье Тань у него не было особых воспоминаний о детстве. Какое-то время он даже не ходил в школу: по дороге постоянно случались «инциденты». Шэнь Чжунван переживал за него и нанимал репетиторов на дом.

Осень была уже близко, но цикады стрекотали так же громко. Тропическое солнце разливало вокруг раскалённую тишину, опускаясь на плечи Тань Юмина золотыми бабочками.

— Чжо Чжисюань тоже лазил. Он был слишком тяжёлым и переломал половину веток, а потом свалил всё на меня. В тот год мне впаяли восемь лишних часов общественных работ.

— Смотри под ноги, — Шэнь Цзуннянь потянул его ближе к обочине.

Тань Юмин лениво пятился назад в лучах солнца. Он посмотрел в лицо Шэнь Цзунняню и вдруг сказал:

— Ты не любишь манго.

Это был не вопрос.

Шэнь Цзуннянь поднял глаза. Золотистые блики скользили по лицу Тань Юмина — то вспыхивали, то гасли. Как кадры киноплёнки, которые невозможно сохранить навсегда.

— А что ты любишь? — продолжал спрашивать тот.

Дело было не в том, что Тань Юмину было на него плевать. Просто казалось, что у Шэнь Цзунняня вообще нет предпочтений. Он безотказно ел все десерты, на которых Гуань Кэчжи оттачивала кулинарное мастерство. Он никогда не отказывался от горького лечебного чая, который заваривала бабушка. А в детстве он спокойно доедал за Тань Юмином всё, что тот оставлял на тарелке.

— Ничего особенного, — ответил Шэнь Цзуннянь.

Тань Юмин вдруг понял, что на самом деле он относился к Шэнь Цзунняню далеко не так хорошо, как любил заявлять.

— Да ладно, наверняка есть что-то, что нравится чуть больше, и что-то, что нравится меньше.

Если бы он действительно был хорош, разве захотел бы Шэнь Цзуннянь уехать? Тань Юмин всё чётче осознавал: то, что было раньше, не само собой разумеющееся. Оказывается, Шэнь Цзуннянь не принадлежал ему по праву рождения.

Чтобы удержать Шэнь Цзунняня, нужно быть к нему добрым. Нужно знать, что он любит. Нужно сделать его счастливым.

Сильное чувство угрозы заставило Тань Юмина допытываться до конца:

— Если не помнишь, подумай хорошенько. Думай, пока не вспомнишь.

<http://bllate.org/book/17117/1614148>